

УШАКОВ В. Д.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

(на материале текста Корана)

*Столетию со дня рождения
акад. И. Ю. Крачковского
(1883—1983) посвящается*

Выдающийся советский ученый-востоковед И. Ю. Крачковский широко известен как автор перевода Корана на русский язык, как глубокий исследователь этого произведения. Он указывал на необходимость литературоведческого и лингвистического анализа текста Корана, являющегося «первым крупным памятником арабской прозы» [1, с. 660], «продуктом литературного человеческого творчества» [1, с. 662], значение которого заключается в том, что он «окончательно закрепил единый литературный язык» [1, с. 664, 684] и определил «все развитие [арабского языка] в литературной форме» [1, с. 660].

Действительно, лингвистический анализ, например, лексико-фразеологических и стилистических особенностей этого памятника не может не способствовать более глубокому пониманию проблем лексикологии, фразеологии и стилистики современного арабского литературного языка.

Именно в этой связи в настоящей статье ставится задача исследовать роль фразеобразовательных средств, используемых в указанном памятнике, в формировании его стилистических особенностей. Выбор такой задачи обусловлен стремлением проанализировать виды фразеобразовательных средств в Коране, определить их стилистическую значимость, выявить стилистические характеристики как произведения в целом, так и отдельных его частей и, по возможности, уточнить, объективизировать уже существующие представления об этих характеристиках. И, наконец, мы надеемся, что анализ стилистических функций фразеобразовательных средств в этом памятнике позволит в дальнейшем более эффективно решать проблемы изучения различных функциональных стилей современного арабского языка.

Фразеобразование понимается нами широко — как явление, включающее в себя отбор лексических единиц в зависимости от их фонетических, грамматических и семантических свойств и объединение их в словосочетания и предложения; использование фигур речи, фразеологических единиц, штампов и клише; приемы и способы построения высказываний. В статье будут рассмотрены также некоторые текстообразующие средства, выполняющие стилистическую функцию.

Для изучения стилистической роли фразеобразовательных процессов принципиально важно положение акад. В. В. Виноградова о том, что «есть глубокая методологическая разница между исследованием фразеологических проблем применительно к речевой деятельности или к индивидуальному стилю и к системе языка в целом» [2, с. 119]. Разница эта заключается в том, что фразеобразование в речи связано с вопросами стиля, охватывает «живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений» [2, с. 139], «импрессивные группы», сочетания, «в какие слова вступают друг с другом в живом языке» [2, с. 119]. Что же касается фразеобразования применительно к системе языка (а не речи), то

мы считаем, что это понятие более узкое, синонимичное термину «фразеологизация»¹, обозначающее образование фразеологизмов как единиц словаря, т. е. «устойчивых сочетаний лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [5]. На наш взгляд, следует различать фразеологию языка и фразеологию речи. Первая обслуживает прежде всего лексикографию и фразеографию, вторая тесно связана со стилистикой. Фразеология языка — статична, фразеология речи — динамична. Каждая из них имеет свой объект. Фразеологические единицы языка — те, которые должны фиксироваться в обычных словарях (т. е. не в словарях языка автора, произведения и т. п.). Объект фразеологии речи — стилистически значимые единицы. Нам представляется, что разграничение фразеологии языка и фразеологии речи (при безусловном учете их взаимодействия и взаимосвязи) в какой-то мере может снять остроту вопроса о неопределенности объема фразеологии, о множественности фразеологических концепций и т. п. (см. [6—8]), так как корпус фразеологических единиц всякий раз будет определяться прагматическими или исследовательскими целями, а также системой соответствующих терминов и понятий.

В данной статье объектом анализа является фразообразование в речи, поскольку при исследовании текста мы имеем «дело не с языком как системой знаков, а с речевыми образованиями, которые должны анализироваться не как элементы замкнутой системы (язык), а как произведение деятельности общения (речь)» [9].

Прежде чем непосредственно перейти к анализу стилистической роли фразообразовательных средств, следует обратить внимание на специфику текста исследуемого памятника. Коран² состоит из 114 сур (глав), появившихся в разное время в период между 610—632 гг. [1, с. 655]. Сûры делятся на аяты — фразы или фрагменты фразы, условно именуемые также стихами. Более ранние суры — мекканские, их — 90; более поздние — мединские, их — 24 [1, с. 500], однако расположены они не в хронологическом порядке, а в порядке убывания их длины, начиная от самой длинной и кончая самой короткой (за исключением первой суры, которая не является самой длинной). Такое расположение сур создает «полную хаотичность» [1, с. 653, 664] в последовательности материала. Это — «не единая книга — [а.— У. В.] собрание проповедей Мухаммада, его рассказов с дидактическими выводами, канонических и гражданских постановлений, молитв» [1, с. 664]. Однако, с другой стороны, в ней «имеется определенная совокупность сюжетов, переходящих из одной [суры.— У. В.] в другую» [11, с. 59] (картины ада и рая, деяния библейских пророков и т. п.), наблюдается единство идейной и коммуникативной установок. Поэтому Коран представляется нам относительно целостным произведением, единым литературным памятником, хотя и не связанным единой линией повествования, развитием единого сюжета. Мы разделяем ту точку зрения, согласно которой текст не всегда бывает линейно однороден и нужно различать такие его свойства, как связность и цельность (см. [12]). Это и позволяет нам считать, что в исследуемом памятнике наблюдается глобальная, а не линейная когерентность.

Следует отметить, что Мухаммад уже на «ранней стадии проповеднической деятельности» полагал, что «„славный Коран“ хранится в небесной скрижали, предвечной и сокровенной, и ниспосылается ему частями по мере необходимости» [13]. Отсюда распространенность таких выражений, как «Эта книга... руководство для богобоязненных...» (2, 2)³, «Ниспослание книги...» (39, 1) и т. п. Важно, что Коран исторически сложился как «культурный памятник» [1, с. 653], «литературный памятник» [14], «литературное произведение» [1, с. 655], и это дает нам основа-

¹ Термины «фразообразование» и «фразеологизация» употребляются как синонимы, например, в [3, 4].

² Подробнее см. [10].

³ Здесь и далее коранический текст приводится в переводе И. Ю. Крачковского [1]; первая цифра в круглых скобках обозначает номер суры, а цифра после запятой — номер аята по каирскому изданию Корана [см. 1, с. 11].

ние обращаться к нему как к целостному источнику для исследования роли фразообразовательных процессов в формировании его стилистических особенностей.

После краткого изложения некоторых исходных посылок представляется возможным перейти непосредственно к рассмотрению способов фразо- и текстообразования в исследуемом памятнике.

1. Одним из них является прием попарного сочетания лексем, которые могут быть синонимами, аллонимами, т. е. словами-уточнителями, раскрывающими значение предшествующего слова (см. [15]), антонимами.

а) Сочетания синонимов и аллонимов. Наиболее распространены парные сочетания прилагательных: *ra'ūfun rahīmun* «кроток, милосерден» *'al-'alimu l-hakīmu*⁴ «знающий, мудрый». Сочетания же более чем двух прилагательных и характеризующих существительных встречаются редко: *...l-maliku l-quddūsu s-salāmu l-mu'minu l-muḥayminu l-'azīzu l-jabbāru l-mutakabbiru* «...царь, святой, мирный, верный, охранитель, великий, могучий, превознесенный» [59, 23]; см. также [59, 24] и [62, 1].

Парные сочетания синонимов могут быть образованы и существительными, а также глаголами: *'as-sū' wa-l-fahšā'*; «зло и мерзость»; *fi l-ba'sā' wa d-darrā'* «в беде и в стеснении»; *'an nazilla wa-nahzā'* «унизиться и опозориться».

Использование парных сочетаний синонимов служит целям подчеркивания [16, 17] того или иного свойства, качества.

б) Приемы оппозиции и сочетания антонимов. Исследуемый текст построен на противопоставлениях, на «контрастности сюжетов и образов, ведущей к усилению эмоционального эффекта» [11, с. 67]. Контрастность достигается как сюжетными, так и языковыми средствами, в частности, использованием такого приема, как «антитеза», «оппозиция» (арабск. *аль-мутāбака, аль-муқāбала*⁵). Часто сопоставляются такие понятия, как «небо» и «земля», «свет» и «мрак», «тайное» и «явное», «вред» и «польза», «умерщвлять» и «оживлять», «скрывать» и «обнаруживать», «ночь» и «день». Пример на антитезу: *...wa-'annahu huwa 'aḏḥaka wa-'abkā wa-'annahu huwa 'amāta wa-'aḥyā* «...и что это — Он, который заставил плакать и смеяться, и что это — Он, который умертвил и оживил» (53, 43, 44). Оппозиция может встречаться в соседних стихах. Например, в (89, 15) сказано: *fa-yaqūlu rabbī 'akramani* «тогда он говорит: „Господь мой почтил меня!“, а в (89, 16) — *fa-yaqūlu rabbī 'ahānani* «то он говорит: „Господь мой унизил меня!“. Распространены парные сочетания, некоторые из них вошли во фразеологический фонд языка, например: *fi s-sarrā' wa-d-darrā'* «в радости и горе».

Представляет интерес такой стилистический прием, когда два синонима противопоставляются двум другим, антонимичным им синонимам: *wa-ta'āwanū 'ala l-birri wa-t-taqwā wa-lā ta'āwanū 'ala l-'ismi wa-l-'udwāni* «И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде» (5, 2). Могут быть противопоставлены образные, переосмысленные словосочетания: *fa-man yuridi l-lahu 'an yahdiyahu yašrah šadrahu li-l-'islāmi fa-man yurid 'an yuḏillahu yaj'al šadrahu ḡayyiqan ḥarajan ka-'annamā yašša'adu fi s-samā'i* «Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для ислама, а кого пожелает сбить с пути, делает грудь его узкой, тесной, как будто бы он поднимается на небо» (6, 125). Нередки случаи, когда две, три антитезы и более следуют одна за другой: *wa-mā yastawī l-'a'mā wa-l-bašīru wa-lā z-zulumātu wa-lā n-nūru wa-lā z-zillu wa-lā l-ḥarūru wa-mā yastawī l-'aḥyā'u wa-l-'amwātu* «Не сравнится слепой и зрячий, мрак и свет, тень и зной. Не сравнятся живые и мертвые» (35, 19—22).

Противопоставление может быть и дистантным, т. е. противопостав-

⁴ В статье используется транскрипция, а не транслитерация. Поэтому выпадающие в речи звуки в нашей записи не отражаются: *'al-'alimu /a/l-hakīmu* → *'al-'alīmu l-hakīmu*.

⁵ Этой стилистической фигуре уделено большое внимание в арабской классической науке о красноречии, например, в трудах Ибн аль-Му'тазза [18, 19], Аскари [20, с. 250, 297], Ибн Рашика [21], Ибн Асира [22, ч. 2, с. 279—280; 23, с. 211—213], Ибн Замлакани [24], Тафтазани [25].

ляемые слова не обязательно следуют одно за другим⁶. Противопоставляться могут не только отдельные понятия, но и понятия и их характеристики и целые образы: «Не могут сравняться два моря: это — сладкое, пресное, приятное для питья, а это — соленое, горькое» (35, 12)⁷.

Следует отметить, что во многих парных словосочетаниях синонимов и антонимов наблюдается рифмованность [*hani'an mar'i'an* «на здоровье и благополучие» (4,4)], аллитерация (*la'ibun wa-lahwun*), используются слова, имеющие одну и ту же парадигму (*fi s-sarrā' wa-d-darrā'*), что усиливает их экспрессивность.

2. Для исследуемого текста характерно употребление оценочных средств, в том числе — оценочных прилагательных, которые нередко образуют с определяемыми ими существительными в разной степени устойчивые словосочетания. Определения, выраженные прилагательными, обычно передают такие значения, как интенсивность, положительность, отрицательность, «соответствие норме» и т. п. того или иного действия, качества, свойства, обозначаемого определяемым. Из существительных, определения к которым наиболее разнообразны, можно указать на слово *'azābun* «наказание», которое может быть и «мучительным», и «сильным», и «унизительным», и «жестоким», и «суровым». Разнообразие средств передачи интенсивности действия, обозначаемого определяемым, поддерживает эффект его нетривиальности, возможности реализации его различными способами, не позволяет ослабевать воздействию речи на собеседника. С другой стороны, наблюдается тенденция к «закреплению» за каким-либо понятием определенной характеристики. В этом случае используются постоянные эпитеты: *'aš-šayṭān* «шайтан, сатана» обычно *'ar-raḡīm* «побиваемый камнями»; *siḡr* «колдовство», как правило, определяется прилагательным *mubīn* «очевидное» и т. п.

Иногда используется последовательное соединение ряда словосочетаний имен существительных с эпитетами, создающее особую выразительность. Например:

<i>jī sidrin maḥḍūdin</i>	среди лотоса, лишенного шипов,
<i>wa-ṭalḥin maḥḍūdin</i>	и <i>talḥa</i> , увешанного плодами,
<i>wa-zillin maḥḍūdin</i>	и тени протянутой,
<i>wa-mā'in maskūbin</i>	и воды текущей,
<i>wa-fākihatin kaṣīratin...</i>	и плодов обильных... (56, 28—32).

Качество, свойство чего-либо может передаваться именем существительным в позиции первого члена сочетания определяемого с несогласованным определением: *sū'u l-'azābi* «злое наказание» (букв. «зло наказания») (7, 141). Особую стилистическую роль играют словосочетания, в которых прилагательное находится в препозиции к существительному. Например: *šadīdu l-'iqābi* «силен в наказании» (букв. «силен наказанием») (2, 211; 5, 2; 8, 25) и т. п.

3. В копулятивных и других словосочетаниях широко используется такая разновидность паронимической аттракции, как анноминация — «соединение слов одного корня, но грамматически различных» [27]: *zillun ṭalīlun* «тень тенистая» (4, 57); *wāziratun wizran* «носящая ношу» (6, 164). Встречается сочетание агенса и пациенса *da'uḡa ṭ-ṭālību wa-l-maṭlību* «Слаб и просящий и просимый!» (22, 73). Иногда прием анноминации используется последовательно в пределах одного стиха: *...fa-man kafara fa-'alayhi kufruhu wa-lā yazīdu l-kāfirīna kufruhum... 'illā maḡtan...* «...кто был неверным — против него его неверие; неверие увеличит для неверных... только ненависть» (35, 39).

4. Некоторые двучленные именные словосочетания представляют собой такую фигуру, как полиптит, — параномазию, состоящую в употреблении одного и того же слова в разных падежах. Например: «И предписали Мы им в ней, что душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос,

⁶ О видах противопоставлений см. [26, с. 103, 104].

⁷ В определенных случаях в целях экономии мы сочли возможным ограничиться русским переводом.

и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение» (5, 45); *ja-ʿasābakum ǧamman bi-ǧammin*. «И Он воздал вам огорчением за огорчение» (3, 153).

5. Характерна распространенность перифразы, которая представляет собой «синтаксическое целое, содержащее не менее двух компонентов». Она «или заменяет прямое название в контексте, выполняя в предложении синтаксические функции заменяемой части речи..., или употребляется вместе с прямым названием в качестве приложения» [28]. Перифразы либо используются, «чтобы избежать повторения в микроконтексте» [28], либо несут стилистическую нагрузку. Они могут быть именными: *rabbu l-ʿalamina* «владыка миров», *ʾahlu l-kitābi* «люди писания», т. е. «иудеи и христиане», либо глагольными (см. ниже).

Помимо относительно устойчивых, повторяющихся, есть сугубо художественные, выполняющие эстетическую функцию перифразы. Иногда, например, в клятвах, они могут следовать одна за другой:

Wa-z-zōriyāti zarwan
fa-l-ḥāmilāti wigran
fa-l-jāriyāti yusran
fa-l-muqassimāti ʾamran

Клянусь рассеивающими рассеяние (=ветры),
и несущими ношу (=тучи),
и текущими с легкостью (=корабли),
и разделяющими повеления (=ангелы)! (51, 1—4).

Глагольные перифразы по-разному оформляют отношения между названием ситуации и ее участниками [см. 29, с. 45—46], что позволяет использовать для передачи одного и того же содержания различные способы, неравнозначные по своей стилистической роли. Стилистически неравноценны: *ʾazzabahu* «он мучил его»; *qāma bi-ʿazābiki* букв. «совершал мучение его»; *fa-ʾahazahumu l-ʿazābi* «и постигло их наказание»; *fa-yushitukum bi-ʿazābin* «Он поразит вас наказанием». Характерно, что в исследуемом тексте нередко отдается предпочтение перифрастическому средству перед отдельным глаголом (*ʾaqāma ṣ-ṣalāta* «совершать молитву» гораздо частотней, чем *ṣallā* «молиться» и т. п.). Используются перифразы, представляющие либо «действие как неподвластное его пациенту» [30] [*massathumu l-baʿsāʾu wa-d-darrāʾu* «Их коснулась беда и стеснение» (2, 214)], либо объект (обычно человека) — как бессильный перед субъектом (божеством): *fa-ʾanzalnā ʿala llazīna zalamū rijzan mina s-samāʾi* «И низвели Мы на тех, которые были несправедливы, наказание с неба» (2, 59).

Глагольные перифразы передают также отношения каузативности, инцептивности, реализации и т. п. [29, с. 45—55]. Со стилистической точки зрения представляет интерес употребление синонимов для выражения упомянутых отношений.

Глаголы в подобного рода словосочетаниях нередко не лишены образности, сохраняя связь с исходным конкретным значением. Например: *fa-ʾizā zahaba l-ḥawfu...* «А когда пройдет страх...» (33, 19); *fa-ʾizā nsalaha l-ʾaṣḥuru l-ḥurumu...* «А когда кончатся (букв. «будут содраны»). — У. В.) месяцы запретные...» (9, 5).

Отношения финитности, каузативности и др. могут быть переданы с помощью метафорических словосочетаний. Например: *...hattā taḍaʿa l-ḥarbu ʾawzarahā* «...пока война не сложит своих нош» (47, 4); *...fa-ʾazāqahā llahu libāsa l-juʿi wa-l-ḥawfi* «...и тогда дал вкусить ему Аллах одевание голода и боязни» (16, 112) и др.

6. В тексте встречаются идиоматические единицы, обычно представляющие собой тропы метафорического и метонимического характера [см. 31].

Примеры на тропы метафорического характера: *nabaza... kitāba... warāʾa zuḥūrihim* «отбрасывали писание... за свои спины» (2, 101), т. е. «пренебрегали (им)» [см. 32, с. 130]⁸; *...wa-ṣtaʿala r-raʿsu ṣayban* «...и голова запылала сединой» (19, 4). В некоторых метафорах как бы происхо-

⁸ Примеры на тропы метафорического и метонимического характера приводили в своих трудах по вопросам красноречия многие арабские средневековые ученые: Аскари [20, с. 258—268], Ибн Асир [22, ч. 1, с. 400], Джурджани [33, 34], Амиди [35], Суюти [36] и др.

дит «присвоение объектам „чужих“ признаков» [37]: *fa-ṣabba 'alayhim rabbuka sawṭa 'aẓābin* «Пролил на них Господь твой бич наказания» (89, 13).

Нельзя не обратить внимания на то, что перевод некоторых идиом в [1] носит предварительный, черновой характер⁹. Например: *wa-lammā suqīṭa fī 'aydīhim wa-ra'aw 'annahum qad dallū...* «Когда же по их рукам был нанесен удар (предпочтительнее: «когда им некуда было деваться», т. е. «когда они оказались в безвыходном положении». — У. В.) и они увидели, что заблудились...» (7, 149); *...wa-yaqbiḏūna 'aydiyahum* «...и зажимают свои руки» (9, 67). Предпочтительнее: «и жадничают, ничего не выпуская из рук» и т. п.

Примеры на тропы метонимического характера: *'addū 'alaykumu l-'anāmīla minā l-ḡayzi* «кусают от злобы к вам пальцы» (3, 119); *lā yuwallūna l-'adbāra* «не будут поворачивать спину» (33, 15) (букв. «заднюю часть, ягодицы»), т. е. «не будут обращаться в бегство, отступать». Фразеологизмы, употребленные в исследуемом тексте, пережив столетия, вошли во фразеологический фонд арабского языка. Многие из них, такие, например, как *'in šā'a lla[hu]* «если пожелает Аллах»; *bi-znī lla[hi]* «с соизволения Аллаха» и др., широко употребляются в живом современном языке. Можно предположить, что некоторые фразеологические единицы современных народно-разговорных языков, используемых в арабских странах, представляют собой трансформы коранических фразеологизмов [ср. египет. нар.-разг. *haṭṭ 'eyno 'alā* «желать, помогаться (чего-л.)» букв. «класть свой глаз на (что-л.)» и кораническое *madda 'ayyayni 'ilā* букв. «простирать глаза к (чему-л.)» в том же значении].

7. Одна из самых характерных и распространенных фигур речи в памятнике — образное сравнение¹⁰. Здесь встречаются самые различные по своей структуре, образности, гиперболичности сравнения. С точки зрения содержательной это и угрозы, и устрашения, и осуждения, и красочные описания мук ада и райских благ, и сравнения-афоризмы. Большинство сравнений не тривиальны, достигают высокой степени выразительности. С точки зрения структурной сравнения делятся на нераспространенные — такие, в которых «то, с чем осуществляется сравнение», представляет собой слово или словосочетание [например, *ka-r-ramīmī* (51, 42) букв. «подобное праху»], — и развернутые, составленные из нескольких предложений, обозначающих цепочки образов, целостную картину. Интересен такой пример, в котором функция частицы сравнения выполняется грамматической конструкцией «глагол + отглагольное имя»: *wa-tarā l-jibāla taḥsabuhā jāmidatan wa-hiya tamurru marra s-saḥābi* «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, — вот они идут, как идет облако» (букв. «проходит прохождением облака». — У. В.) (27, 88). Встречаются и прескриптивные сравнения: *wa-lā takūnū ka-llazīna tafarraḡū wa-ḥtalafū min ba'di mā jā'ahumu l-bayyinātu* «И не будьте таковы, как те, которые разделились и стали разногласить, после того как пришли к ним ясные знамения» (3, 105).

«То, с чем осуществляется сравнение» нередко распространяется придаточным определительным предложением, разного рода уточнениями: *qawlun ma'rūfun wa-maḡfiratun hayrun min ṣadaqatin yatba'uḥā 'azan* «Речь добрая и прощение — лучше, чем милостыня, за которой следует обида» (2, 263) — афористическое сравнение. Одно сравнение может следовать за другим, с разных сторон характеризую описываемую картину: *yawma yakūnu n-nāsu ka-l-farāši l-mabṣūši wa-takūnu l-jibālu ka-l-'ihni l-manfūši...* «В тот день, как люди будут, как разогнанные мотыльки, и будут горы, как расщипанная шерсть...» (101, 4—5).

Есть несколько пространных сравнений, представляющих собой развернутые, объемные образы, картины, следующие одна за другой, уточ-

⁹ И. Ю. Крачковский не считал свою работу по переводу Корана завершённой (см. [1, с. 10]).

¹⁰ Теория образного сравнения подробно разработана арабскими средневековыми учеными (см. [20, с. 228—249; 22, ч. 1, с. 388—398; 38]).

няющие одна другую. Причем последующий образ как бы предназначен для того, чтобы подкрепить, усилить воздействие предыдущего, разъяснить его, сделать более доходчивым. Например: «А у тех, которые не веровали, деяния — точно мираж в пустыне. Жаждающий считает его водой, а когда подойдет к нему, видит, что это — ничто, и находит у себя Аллаха, который полностью требует с него расчета. Поистине, Аллах быстр в расчете!»

...Или — как мрак над морской пучиной. Покрывает ее волна, над которой волна, над которой облако. Мрак — один поверх другого. Когда он вынет свою руку, почти не видит ее. Кому Аллах не устроил света, нет тому света!» (24, 39, 40).

Следует отметить, что развернутые сравнения характерны для более поздних сур — мекканских пророческих¹¹ и, особенно, — мединских. В мединской (2) их — шесть, а мединская (24) содержит два исключительных по своей художественности распространенных сравнения.

Нередко за сравнениями следуют назидания, выводы и т. п., которые как бы резюмируют то, о чем шла речь ранее. Например, за сравнениями следуют такие выражения: «Так распределяем Мы знамения для людей, которые размышляют!» (10, 24); «Поистине, в этом — знамение для всякого терпеливого, благодарного!» (42, 33).

В сравнениях нередко используются и другие стилистические средства: антитезы, копулятивные словосочетания, словосочетания имени существительного с эпитетом, идиоматические словосочетания и т. п. Другими словами, в них наблюдается конвергенция — использование «пучка стилистических приемов, выполняющих общую стилистическую функцию» [15]. Так, в следующем сравнении, представляющем собой риторический вопрос, содержится антитеза: *'awa man kāna maytan fa-'ahyaynāhu wa-ja'alnā lahu nūran yamši bihi fi n-nāsi ka-man masaluhu fi z-zulumāti laysa bi-ḥārījīn minhā* «Разве тот, кто был мертвым, и Мы оживили его и дали ему свет, с которым он идет среди людей, похож на того, кто во мраке и не выходит из него?» (6, 122).

Используется и такой прием, как оппозиция сравнений. Так, в (14, 24) говорится о том, что «доброе слово — оно, как дерево доброе: корень его тверд, а ветви в небесах...», а в (14, 26) «скверное слово» сравнивается со «скверным деревом, которое вырывается из земли». Красива оппозиция сравнений в (2, 264 и 265). В первом случае «тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми...», сравнивается со скалой, «на которой земля: но постиг ее ливень и оставил голой», а во втором «те, которые тратят свое имущество, стремясь к благоволению Аллаха и по укреплению от своих душ», уподобляются «саду на холме: его постиг ливень, и он принес свои плоды вдвойне».

8. В тексте встречаются и афористические суждения. Например: *wa-'asa 'an takrahū šay'an wa-hiwa ḥayrun lakum wa-'asa' 'an tuḥibbū šay'an wa-hiwa šarrun lakum* «И, может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло» (2, 216); *'inna z-zanna lā yuḡnī mina l-ḥaqqi šay'an* «Ведь предположение ни в чем не избавляет от истины» (10, 36).

Далее рассмотрим наиболее характерные для памятника синтаксические структуры.

9. Большое распространение имеет глагольная конструкция с так называемым абсолютным масдаром, т. е. конструкция «глагол + отглагольное существительное», выполняющая эмфатическую функцию «подтверждения» какого-либо действия, указания на его интенсивный характер: *wa-qad makarū makrahum* «а они хитрили своей хитростью» (14, 46); *wa-kabbirhu takbiran* «И величай Его величанием!» (17, 111). Отглагольные существительные часто определены оценочными определениями: *fa-qad dalla dalālan ba'īdan* «тот заблудился далеким заблуждением»

¹¹ Мекканские суры делятся на суры: I периода — поэтические, II — рахманские и III — пророческие.

(4, 116); *man yašfa' šaf'atan ḥasanatan* «кто заступится хорошим заступничеством» (4, 85).

10. Существенную стилистическую роль играют эксплицитные прескриптивные конструкции. Под эксплицитными прескрипциями понимается не просто выражение повеления или запрещения [например: «Не убивайте Иūsufa...» (12, 10)], а указания идеологического, морально-этического, обрядного и т. п. характера, выражаемые с помощью предложений, включающих в себя глаголы в повелительном или в повелительно-запретительном наклонении, либо с помощью модальных конструкций, вводимых словами «пусть», «следует». Иногда прескрипция эксплицируется лексической семантикой глаголов: «...запретил вам...» (2, 173); «Предписано вам...» (2, 178, 180) и т. п.

Наиболее прескриптивными можно условно считать суры, в которых отношение количества стихов к количеству прескрипций не превышает пяти¹². Это суры 106, 108, 94, 93, 73 (мекканские поэтические), что составляет 5,55% от всех мекканских и 10,4% от мекканских поэтических сур, и 2, 64, 8, 4, 65, 24, 58, 66, 60, 110, 49, 5 (мединские) — 50% от количества мединских сур. Если учесть, что среди этих сур две мекканские и только одна мединская содержат менее пяти стихов и включают в себя всего по одной прескрипции, то станет ясным, что прескриптивность мединских сур ощутимо выше прескриптивности мекканских. Следует отметить также достаточно высокую прескриптивность мединской (63) (отношение количества стихов к количеству прескрипций — 5,5) и мекканских — рахманской (17) и пророческой (31) (упомянутое отношение соответственно — 6,16 и 5,66). Примеры переводов прескрипций: «Пусть расходует состоятельный из своего достатка» (65, 7); «Не обижайте, и вы не будете обижены!» (2, 279). Прескрипции могут быть идиоматичными, например: *wa-lā taj'al yadaka maḡlūlatan 'ilā 'unuḡika wa-lā tabṣuḡhā kulla l-baṣṡi fa-taḡ'uda malūman maḡṣūran* «И не делай твою руку привязанной к шее и не расширяй ее всем расширением, чтобы не остаться тебе порицаемым, жалким» (17, 29), т. е. «не будь скупым и не будь чрезмерно щедрым» [см. 32, с. 132, 133].

11. Важную роль выполняют риторические вопросы, которые считаются характерными для такой разновидности публицистического стиля, как ораторская речь [см. 26, с. 89—91, 169, 170; 39]. Риторические вопросы имеются в значительном большинстве сур. Нередко они следуют друг за другом, если не подряд, — то в соседних стихах, что усиливает эффект воздействия на реципиента. Например: (68, 35—37, 39, 41, 46, 47). В суре (55) использован такой прием, как тридцатикратное повторение одного и того же риторического вопроса. Это — исключительный случай, повторы же двух-, трехкратные одного и того же вопроса весьма типичны. Следует отметить, что среди сур «высокой риторичности», в которых отношение количества стихов к количеству риторических вопросов не превышает пяти, — 16 (17,7%) мекканских сур и 2 (8,33%) — мединских.

Представляет интерес и тот факт, что подавляющему большинству мединских сур прескриптивность присуща в большей степени, чем риторичность. Так, только в четырех мединских сурах (47; 61; 57; 48) количество риторических вопросов превышает количество прескрипций. В суре (58) количество их одинаково, в (98) отсутствуют обе фигуры, а в остальных восемнадцати прескрипции преобладают над риторическими вопросами. В мекканских сурах картина принципиально иная: в шестидесяти двух сурах риторические вопросы количественно преобладают над прескрипциями, а в пятнадцати — количество тех и других одинаково.

12. Важную стилистическую роль играют распространенные клятвы. Например: «Так нет! Клянусь месяцем! И ночью, когда она повертывается, и зарей, когда она показывается!» (74, 32—34). (См. также: 92, 1—3; 91, 1—8; 85, 1—3; 81, 15—18; 84, 16—18; 100, 1—3; 79, 1—5; 77, 1—6;

¹² Выбор числа «пять» произволен, но, во-первых, эта цифра одинакова для всех сур, а во-вторых, мы учитываем и тот факт, что в короткой суре более вероятно случайное проявление интенсивности того или иного стилистического свойства.

89, 1—3; 51, 1—4; 52, 1—6; 37, 1—3 и др.). Все эти суры, за исключением (37), (мекканской рахманской), — мекканские поэтические, т. е. относятся к раннему периоду. В дальнейшем же количество клятв убывает [см. 1, с. 666, 667]. К клятвам по своей стилистической роли примыкают проклятия. Например: *'inna llazīna yarmūna l-muḥṣanāti l-ḡafilāti l-mu'mināti lu'inū fi d-dunyā wa-l-'āḥira wa-lahum 'azābun 'azīmun...* «Те, которые бросят обвинение в целомудренных, небрежущих, верующих — прокляты они в ближайшей жизни и в последней! Для них — великое наказание...» (24, 23). (См. также: 111, 1; 104, 1—4; 107, 4—7; 2, 88, 89).

13. Из текстообразующих средств большое значение имеют повторы. Особо, как нам представляется, следует обратить внимание на дистантный повтор словосочетаний, предложений и других синтаксических структур. С одной стороны, этот прием выполняет когезирующую, текстообразующую функцию, а с другой — стилистическую функцию эмфазиса, внушения, убеждения. Дистантный повтор может быть полным и частичным, в пределах одной суры и в разных сурах. Частично совпадают следующие повторенные в разных сурах прескрипции: *wa-lā tamši fi l-'arḍi maraḥan 'innaka lan taḥriqa l-'arḍa wa-lan tabluḡa l-jibāla ṭūlan* «И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой!» (17, 37); ср.: *wa-lā tuṣa 'ir ḥaddaka li-n-nāsi wa-lā tamši fi l-'arḍi maraḥan* «Не криви свою щеку пред людьми и не ходи по земле горделиво» (31, 18). Следует обратить внимание на распространенность повторения риторических вопросов (см. выше) и прескрипций. В (77) приблизительно через равные промежутки десять раз встречается заклинание *waylun yawma 'izin li-l-mukazzibīna* «Горе в тот день обвиняющим во лжи!» В суре (54) повторяется несколько различных выражений. В разных местах памятника содержится осуждение некоторых человеческих качеств, таких, как неумеренность, хвастовство (часто такие повторы следуют за прескрипциями); *...wa-lā tusrifū 'innahu lā yuḥibbu l-musrifīna* «...не будьте неумеренны. Поистине, Он не любит неумеренных!» (6, 141). В (7, 31) та же фраза переведена: «...не излишествуйте: ведь Он не любит излишествующих!» Пример частичного повтора: *'inna llaha lā yuḥibbu man kāna muḥtālan faḥūran* «Поистине, Аллах не любит тех, кто горделиво хвастлив» (4, 36); *'inna llaha lā yuḥibbu kulla muḥtālin faḥūrin* «Поистине, Аллах не любит всяких гордецов, хвастливых!» (31, 18).

Исследователи лингвостилистических особенностей дистантного повтора обращают внимание на такой прием, как «помещение» его «в так называемые „сильные композиционные позиции“, какими являются начало и конец художественного произведения или его отрезка (например, абзаца, главы, части и т. п.)» [40]. Что касается исследуемого памятника, то в нем широко используются повторы в начале или в конце суры или стиха. Так, каждая сура, кроме (9) и (12), начинается с устойчивого клише *bi-smi llahi r-raḥmāni r-raḥīm* «Во имя Аллаха милостивого, милосердного» (анафорический дистантный повтор). Стихи часто заканчиваются копулятивными сочетаниями эпитетов (эпифорический дистантный повтор). Повторяться могут синтаксические конструкции с разным лексическим наполнением, используется и полный повтор. Например, в суре (2) в конце стихов 224—228 повторяются парные сочетания эпитетов с одними и теми же рифмами и словообразовательными формами: *samī'un 'alīmūn* «слышащий, знающий!»; *ḡafūrun ḥalīmūn* «прощающий, кроткий!»; *ḡafūrun raḥīmūn* «прощающ, милосерд!»; *samī'un 'alīmūn* «слышащий, знающий!»; *'azīzun ḥakīmūn* «великий, мудрый!».

Дистантный повтор встречается и в сравнениях. Так, жизнь земная сравнивается с водой, низведенной с неба, с которой смешались растения земли, в (10, 24) и в (18, 45).

Иногда наблюдается и контактный повтор, например, одной и той же синтаксической структуры. Так, в (56, 1—7; 81, 1—13; 82, 1—4; 77, 8—11) следуют одно за другим придаточные предложения времени. В (88, 13—16) повторены причастия по формуле *maf'ūlatun*; в (88, 17—20) следуют шодряд вопросительное слово *kaufa* «как» и глаголы в страдательном зало-

ге, а в (70, 32—34) повторяются предложения, начинающиеся с относительного местоимения *'allazīna* «которые» и личного местоимения *hum* «они». Причастия действительного залога замыкают стихи 1—5, 7, 8 в суре (23). Наблюдается и лексический контактный повтор. Так, словами *'a-man* «тот ли» начинаются стихи 60—64 в суре (27), *wa-ja 'alnā* «и сделали» — стихи 9—11, 13 в суре (78). Отметим, что лексический анафорический повтор сочетается здесь с повтором синтаксической конструкции $V + N_{acc} + N_{acc}$. Интересен с художественной точки зрения частичный контактный повтор, содержащий антитезу: «...и кто сделал на вес пылинки добра, увидит его, и кто сделал на вес пылинки зла, увидит его» (99, 7, 8).

В заключение следует подчеркнуть, что целостность текста Корана в значительной степени поддерживается разнообразными фразообразовательными и текстообразующими средствами, которые прослеживаются на протяжении всего памятника. Особо важная когерирующая роль принадлежит дистантным лексическим, фразовым и синтаксическим повторам.

С одной стороны, такие приемы, как употребление эпитетов, оппозиции, гиперболы, образных сравнений, идиом, типичны для художественной речи. Распространенность же прескрипций придает памятнику характер дидактического, правоучительного произведения, а риторические вопросы — черты ораторской речи. Наличие клятв, заклинаний, использование градации, анаколуфа сближают отдельные суры с такой разновидностью ораторской речи, как проповеди жрецов и доисламских ораторов.

Статистический анализ употребления фразообразовательных средств в разных сурах позволяет уточнить и, в определенной мере, конкретизировать и объективизировать мнение ряда ученых о стилистических различиях, наблюдаемых в сурах разных периодов [1, с. 665—668; 14]. Для мекканских поэтических характерна экстаичность, для более поздних мекканских — риторичность, а для мединских — прескриптивность, дидактичность. Эпическими (лишенными сравнений, прескрипций, содержащими мало риторических вопросов) можно считать лишь отдельные суры (например, суру 12). Неоднородность стилистических характеристик разных сур тем не менее не мешает нам рассматривать Коран в целом как произведение, сочетающее в себе черты художественно-дидактической, экспрессивно-риторической и религиозно-экстаической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.
2. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
3. Словообразование и фразообразование: Тезисы докладов научной конференции. М., 1979.
4. Проблемы русского фразообразования. Тула, 1973.
5. Кукин А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М., 1972, с. 8.
6. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учебное пособие. Самарканд, 1973, с. 5—76.
7. Чернышева И. И. Актуальные проблемы фразеологии. — ВЯ, 1977, № 5, с. 35.
8. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 215.
9. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. — ИАН СЛЯ, 1980, № 3, с. 197.
10. Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 73—75.
11. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.). М., 1974.
12. Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики. — ИАН СЛЯ, 1977, № 4, с. 308.
13. Халидов А. Б. Книжная культура. — В кн.: Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982, с. 231.
14. Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960, с. 29.
15. Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста (Элементы стилистического декодирования). — ИЯШ, 1971, № 2, с. 8.
16. Abū al-Tayyib al-Wahid ibn 'Alī. Kitāb al-'itbā'. — Majma' al-luġa 'al-'arabiyya. Dimašq, 1961, с. 3, 10.
17. As-Sa'ālībī Abū Manšūr 'Abdalmalik. Fiqh al-luġa wa-sirr 'al-'arabiyya. Al-Qahira, 1952, с. 566.